

В полночный час, когда улицы пусты и ночная тень уже легла на город, в час, когда балы были в разгаре, и пробка летела в потолок ресторации, и жар вольнолюбивых бесед достигал своего апогея, — в этот благословенный час ваш вечерний чай уже выпит, дети уложены и вы наконец чувствуете, что принадлежите сами себе... И что же? Да ничего. Можно, конечно, почитать книжку (лучше из серии "ЛГ" "Роман на ночь") или заняться, например, французской грамматикой — для разнообразия, а всего полезней — стиркой белья. Но не то, все не то. Рука ваша поневоле тянется к газете с программой телевидения. "Вечерний салон". То, что надо под такое настроение редкой праздности. Гости самые изысканные: от Франсиса Копполи до Альфреда Шнитке. Беседы самые изысканные. Одним словом, салон — как мы его понимаем. Хозяйка его Ирина КЛЕНСКАЯ сегодня собственной персоной на страницах "ЛГ".

— Ирина, какой рейтинг у вашей передачи? — Рейтинги — слово мне ненавистное. Нет такого понятия — рейтинг. Есть понятие своей аудитории. Телевидение — не ипподром, где идут бега. А ведущий — не жокей. У каждого есть своя нота, которую он берет хорошо и звучание которой кому-то необходимо. Я не публицист, не шоумен, я человек, может быть, старомодного понимания жизни, если под старомодностью понимать сострадание, внимание к человеческим чувствам. Если угодно, я ретроромантик.

— Ретроромантикам, наверное, тяжело приходится сегодня?

— Я очень счастлива в работе. Мне даже смешно говорить о каких-то трудностях. Их много: мы монтируем ночами, мы не имеем достаточно съемочных дней, не можем монтировать так, как нам бы хотелось — в силу разных причин. Недавно, например, нашу новую программу на "Семейном канале" сняли с эфира. Ну сняли

Профессия — камикадзе

На вопросы корреспондента "ЛГ" отвечает автор и ведущая "Вечернего салона" Ирина КЛЕНСКАЯ

и сняли. Значит, во мне что-то не подошло. Сидит наша группа съемочная, печалится, потому что все уже успели увлечься новой идеей, размечтаться. И открыли мы книжку про Винни-Пуха, оформленную Борисом Диодоровым, который, кстати, признан лучшим иллюстратором Винни-Пуха в мире. И наш режиссер Миша Ровнев сказал: "Ну что вы огорчаетесь? Вот это — наше. Будем радоваться". И мы действительно прочли Винни-Пуха и поняли, что мир прекрасен. И утешились. Вот это ощущение, что мир населен волшебниками, мне и хотелось бы передать зрителям. На самом деле радость не расслабляет, радость дает силу.

— Вы оптимист по натуре?

— Не то чтобы оптимист. Мне везло на учителей. Одной из них была Рита Яковлевна Райт-Ковалева, известная переводчица. Помнится, я однажды пришла к ней и стала жаловаться, что так все плохо, грустно. А она мне — об Анне Андреевне Ахматовой. Той тоже кто-то стал плакаться, что все кругом дерьмо. А она: "Ну, а вы под ноги не смотрите. Посмотрите на небо. Попробуйте заметить розы, которые тоже рядом растут. Вот что трудно заметить. А то удивили — дерьмо!" И действительно, вокруг столько талантливых людей. Недавно мы показали фильм "Староста". О человеке, который за четыре года восстановил один из красивейших храмов Петергофа — храм Петра и Павла. Он церковный староста (мы уже и забыли, что это такое). Человек верующий, основательный, нестарый. Его прихожане выбрали церковным старостой. Доверили ему деньги, переданные благотворителями. В июле этого года патриарх Алексей освятил храм. О Новгороде мы сделали передачу интереснейшую. Мечтаем поработать в Вологде. Русская провинция вообще несет мощный пласт невоспетой культуры.

Да мало ли вокруг людей, придающих нашему миру блеск и сияние творчества! Мы первыми показывали отрывки из фильма Алексея Германа, который он сейчас заканчивает "Хрустальев в машине!". Мы добились разрешения Копполи — специально для нашей программы — демонстрировать фильм "Как делался "Крестный отец", показали большое интервью с Теннисом Уильямсом. Мы первые нача-

ли показ цикла "Художник и его модель" — о лучших модельерах мира: от Вячеслава Зайцева и Милы Надточий до Кристиана Диора и Нины Риччи...

— Из ваших встреч какая-то запомнилась особенно?

— Каждая встреча — подарок. Мы очень боялись идти брать интервью у Альфреда Шнитке после его болезни. Неловко было нарушать его покой. И мы увидели человека благожелательного и мужественного, человека, благодарного миру за жизнь и творчество — это при той сложнейшей судьбе, которая выпала на его долю.

Никогда не забуду, как приехала записывать интервью с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Поезд пришел в Петербург рано. Зима. Холодно. А встреча назначена на 10. Куда деваться? Идем медленно к нему на работу. И вдруг обнаруживаем, что он уже в кабинете, на столе горячий чай. Неужели опоздали или перепутали время? А Дмитрий Сергеевич: "Я просто подумал — вдруг вы приедете раньше. Лучше мне прийти пораньше. Все-таки холодно..."

Одна встреча, которая произвела на меня сильное впечатление, случилась давно, в Эстонии. Мы жили летом на хуторе. Раскланиваясь с соседкой, женщиной пожилой, лет 80, очень милой, доброжелательной, с удивительно горделивой прямой осанкой. Как-то она пригласила меня выпить кофе. Разговорились. Я узнала, что в 25 лет она осталась вдовой. Мужа расстреляли, а ее сослали. 20 лет в лагере. Страшная судьба! И такая царственная осанка. Я и спросила: "Как же вы не согнулись, не озолились?" А она мне рассказывает про дедушку, с которым она в детстве в воскресные утра ходила в церковь. Богослужения долгие, девочка уставала, начинала вертеться, гнутья. И дед время от времени ее выпрямлял, подставлял руку под спину. Было больно, но она поняла, что надо стоять прямо. Гораздо позже, в лагере, когда ее избил охранник, избил и швырнул в барак, да еще пнул ногой, она... она вдруг почувствовала спиной этот забытый дедов жест. И встала. И распрямила спину. И пошла. Почти в полуобмороке от боли. Онемели все — и охранник, и заключенные: настолько это

было неожиданно. Этот рассказ я запомнила надолго.

— "Вечерний салон" у вас получается очень лирическим, иногда даже женственным. Это сознательная установка?

— Да. Всю жизнь я слышу: мужской ум, мужская логика. Но я-то создана Богом женщиной. Почему я должна смотреть на мир, как мужчина? Я восхищаюсь мужчинами, они мне нравятся, в конце концов. Но на мир я хочу смотреть по-своему. Я хочу, чтобы женщина осталась на экране. Вы знаете, что говорил Петр Аркадьевич Столыпин, один из замечательных людей начала века, когда у него рождалась девочка? Он говорил: "Слава Богу! Еще одной женщиной на свете стало больше".

Хотя на самом деле быть женщиной — горькая судьба, которую исчерпывает слово "отдаться". Женщина всегда отдает: себя, ребенка — миру. И нужно огромное мужество, чтобы отдавать в нашем безжалостном мире, даже не рассчитывая на выигрыш. Потому что цель — не выигрыш, цель — любовь. И красота. Я вспоминаю одну из последних встреч с Марейкой. Она уже была тяжело больна. Но даже в больницу шла нарядная, красивая. Ей говорили больные: "Ах, Вера Петровна, какая разница здесь и теперь..." А она отшучивалась: "Ну что вы, девочки, я даже в морге должна быть красивой". Быть женщиной, красивой женщиной — очень большой труд. Хочется этому научиться. Да не всегда получается.

— Вас узнают на улице?

— Да. Хотя иногда смешно получается. Как-то после одной из программ стою в очереди за картошкой. Впереди женщина рассуждает: "Хорошо этим телевизионщикам, вчера вон Кленская, видели, в каком платье? Чего им? Отвезли, привезли... Вот это жизнь!" Потом оборачивается (видно, хотела отойти к соседней очереди) и узнает: "Ой, — говорит, — здравствуйте". Потом так растерянно: "Что же вы такая бледная?" "После ночной смены," — говорю. Большинство думает, что у нас "мерседес" у подъезда и толпы поклонников, а наше дело — выпорхнуть к микрофону. Я уже и не пытаюсь объяснить, что телевидение — довольно тяжелая, даже физическая, работа. Мы не скаковые, мы — орловские тяжеловозы. И вообще-то на нашу долю выпадают не только розы, но и камни.

— В метафорическом смысле?

— Отнюдь. Мы в Петербурге однажды уже перед отъездом решили снять Михайловский замок. Балюстрада красивая. И вообще то, что нам надо для передачи. Поставили камеру. Начали снимать. А камера вместе с моей возвышенной речью пишет еще, так сказать, непередаваемую игру слов близ Михайловского замка расположившихся товарищей. Товарищи устроились основательно — с картами, с водочкой. И как-то они нас не поняли, когда мы попросили их отойти. Дальше — больше. Вслед за словами — камни полетели. В итоге мы отошли, а не они. Отойти-то мы отошли, но у нас последний день съемок, завтра монтаж. А что, извините, монтировать? И тогда наш оператор и режиссер

Саша Гудин говорит: "Все! Снимаем в поезде". А в поезде света нет. Пассажиры спать хотят. Проводник ругается. И время уже 12 часов ночи. Сняли. Самое интересное, что потом знакомые звонили и спрашивали: "Как это вам удалось снять так? Все мелькает — ну просто Феллини". Еще бы не мелькало — встречные поезда-то едут!

— Планы на будущее не секрет?

— Мечтаю сделать цикл "Записки на манжетах" — записать воспоминания старых актеров. Они уходят и уносят бесценные золотинки подробностей былого. О передачах о русской провинции я уже говорила. Хотелось бы сделать программу о философах: судьбы как притчи, история "философского" парохода... Мечтаю сделать передачу о Владимире Федоровиче Одоевском. Я о нем писала когда-то диплом, потом диссертацию "История идеализма в России. Одоевский". Работа, правда, осталась незаконченной. Но любовь к Одоевскому осталась. Он написал один из лучших философских романов "Русские ночи". Его записные книжки еще ждут своего открытия. Он замечательный историк музыкальной культуры и один из лучших российских мистиков. Он жил в Телеграфном переулке. Крошечный такой человек. Похоронен на кладбище Донского монастыря. Я помню, когда я туда приходила, на его могиле всегда лежали цветы. И еще на могиле Чаадаева.

— История философии на сон грядущий, не сложновато ли?

— Мы уж так упростились, что дальше некуда. Я как раз убеждена, что мир надо усложнять. В одной из работ, посвященных Канту, Мераб Мамардашвили доказывал, что только сложные организмы жизнеспособны. Опасно об этом забывать.

— И все-таки многие сложные организмы к половине двенадцатого облачаются в пижамы и халаты и неудержимо позевывают. Вас не смущает аудитория в неглиже?

— У нас профессия — камикадзе. Или ночные бабочки. Да, мы живем один день, и надо отдавать себе отчет. Статьи, книги остаются, а здесь — эфемерное существование. Ну что ж, это тоже жанр жизни. Живут же бабочки. И счастливы бывают в своем полете. На телевидении понимаешь хрупкость мира. И еще понимаешь, что самый страшный инструмент — это метроном. Когда моя дочка училась музыке, я увидела, как он стучит: вправо — влево, вправо — влево... На ТВ понимаешь, что такое секунда, и что 30 секунд — это много. А полторы минуты — это сюжет. Телевидение меня научило, что минута — вечность. А мы их прескальзываем, потому что нам кажется, что их у нас много.

— У вас был страх перед камерой?

— Был, конечно. Я ведь пришла когда-то в "Добрый вечер, Москва!" из журнала "Сельская молодежь", где заведовала отделом культуры и где, естественно, работала с ручкой и бумагой. Был не страх, а стыд. Нет, не перед камерой. Камера как живое существо, она включается — я успокаиваюсь. Но потом!.. Я не могу себя пересматривать. Я себя ненавижу. Я не могу долго смотреться в зеркало. Бывали деп-

рессии, когда я просто отказывалась сниматься. Потом это проходит. Потом — смотришь иллюстрации к Винни-Пуху и думаешь, что вот если бы это снял глубоким микшером, то было бы очень ничего...

— Что вы больше всего боитесь в жизни?

— Я очень много боюсь. Боюсь оплошности, которой нельзя будет поправить. Боюсь греха. Хотя, конечно, кто же без греха?.. Боюсь потерь. Расставаний. Страшно на чистом листе бумаги писать первую фразу. В общем, я не очень уверенный в себе человек.

— То есть образ неотразимой, уверенной женщины, которая дышит "духами и туманами", своего рода роль?

— Не роль. Просто стилистика передачи диктует стиль поведения в кадре. Авторская программа не означает, что я все время должна торчать в кадре. Авторская программа означает, что звуковой, визуальный ряды должны быть выстроены в гармонии с поставленной задачей. Я не могу своим поведением нарушать гармонию зрелища, а стараясь, наоборот, быть органичной ему. Мне всегда хотелось на телевидении сделать... кино, красивое, запоминающееся, яркое, умное. Есть передачи публицистические, есть информационные, а у меня — салоны.

— Название передачи ваше?

— Нет. Название предложила дирекция программ, в частности Юрий Снятков, который нас все время и ставит в конец дня. Я хотела назвать передачу "Ойкумена", имея в виду ту вселенную, которую мы сами находим. Но это все же название, ориентирующее на публицистику. И тут Юра Снятков предложил — "Вечерний салон". Я сначала сопротивлялась этому названию, а потом поняла, что оно очень точное. Были литературные салоны — и в Европе, и в России. Это были встречи людей, которым нравится провести друг с другом несколько мгновений жизни. Это возможность душевного, духовного соприкосновения. Это возможность разговора не про зарплату и не про цены, а про то, чем люди живы...

— "Семейный канал", который вы ведете два раза в месяц, ставит те же задачи?

— Нет, это совсем другая передача. Мне хочется, чтобы воскресный канал был праздничным, чтобы было много музыки, красивых лиц, чтобы было зрелище. Все-таки воскресенье — день отдыха, он под покровительством Солнца, и не хотелось бы еще и выходной наполнять проблемами будней. Мы делали программу о джазе Алексея Козлова. Зрители встречались с Марленом Хуциевым, Андреем Хржановским, видели их фильмы. И, конечно, всегда будет разговор о любви, которая людей соединяет.

— Кто вы по знаку Зодиака?

— Водолей.

— Для вас это важно?

— Важно. Я даже в "Семейный канал" ввела рубрику "Гороскоп". Древние шумеры и египтяне знали тайны звезд, у нас же эта наука еще и не открыта. А вообще, по гороскопу у водолея уже вроде как должно наступить счастье. Все жду, когда же...

Жанна ВАСИЛЬЕВА